

Когда Лянь Ясун примчалась по адресу, который дал ей Карло, пластырь на её лице как раз отклеился от сильного порыва ветра и улетел.

Она этого даже не заметила, продолжая на английском расспрашивать прохожих о том, куда подевался Цзян Ван. Станные взгляды окружающих она по наивности приняла за обычное любопытство — мол, никогда раньше не видели китайку вроде неё.

Но и сам Цзян Ван посмотрел на неё как-то странно, когда она его наконец нашла.

Она неловко улыбнулась:

— Привет, Цзян Ван, какая встреча! Ты что, тоже пришел сюда чинить машину?

Она видела вокруг множество автомобилей и решила, что это какой-то местный автосервис.

— Чинить машину? Ты пришла сюда чинить машину? И на какой же машине ты приехала? — Цзян Ван, кажется, насквозь видел её ложь и усмехнулся.

Лянь Ясун внимательнее присмотрелась к неразобраным машинам вокруг: кузова были раскрашены в яркие цвета, посадка — экстремально низкая, крыши открыты. Это же были гоночные болиды!

Неудивительно, что Карло говорил о соревнованиях — он имел в виду гонки! Она была так занята тем, что колотила этого мерзавца, и так сбивчиво слушала его рассказы о прошлых увлечениях Цзян Вана, что совсем забыла расспросить подробнее о самих заездах.

— Ха-ха, я... я ошиблась местом. Думала, тут обычная мастерская, — она чувствовала себя невероятно глупо.

Но самое постыдное было впереди.

Цзян Ван небрежно взял зеркало — видимо, его использовали при ремонте, чтобы подсветить труднодоступные места — и подставил ей прямо к лицу.

— Ты что, настолько сильно ударилась головой, что пришла чинить машину в гоночный бокс? — спросил он с нескрываемым раздражением.

Лянь Ясун взглянула на свое отражение и чуть не взорвалась от ярости. Её аккуратная челка, уложенная на две стороны, от ветра превратилась в нелепый беспорядок, из хвоста выбились клочья волос. Но хуже всего был пластырь: он наполовину отклеился и теперь уныло болтался на правой щеке, обнажая рану, похожую на дождевого червя, а желтоватый бумажный край комично подрагивал на ветру.

— Я... — она открыла рот, увидела в зеркале, как пластырь снова дернулся, в ярости сорвала его и решила больше не юлить: — Я пришла сюда специально ради тебя! И что, нельзя?

Она никогда не умела врать, а чувствуя вину перед ним, и вовсе теряла способность выдумывать правдоподобные оправдания.

— Опять что-то забыла у меня? — Цзян Ван, видимо, был позабавлен её жалким видом. Он снял рабочие перчатки, и его голос заметно смягчился.

Она помедлила, а потом, решив следовать зову сердца, выпалила правду:

— Карло сказал, что твои гонки — это опасно. Я пришла, чтобы остановить тебя! Если тебе нужны деньги, я могу...

Взгляд Цзян Вана мгновенно потемнел, лицо стало ледяным.

— Мне не нужны деньги. Можешь уходить.

Увидев, что он собирается уйти, Лянь Ясун, конечно, не отступила. Она вцепилась обеими руками в его рукав и твердо заявила:

— Нет! Ты должен пойти со мной! Причину я объясню чуть позже, хорошо?

— Ты когда-нибудь уgomонишься? — в глазах Цзян Вана вспыхнул гнев. Он с силой разжал её пальцы и оттолкнул руки.

Лянь Ясун, еще не оправившаяся после драки, чувствовала, как ноют запястья, но инстинкты взяли верх — она снова замахнулась, чтобы ударить.

Однако на этот раз Цзян Ван был куда проворнее, чем в тот вечер. Словно прочитав её движения, он перехватил её запястье, а второй рукой заломил вторую руку за спину.

Прижав её руки к пояснице, он холодно процедил:

— То, что я перед тобой в долгу, — правда. Но я тебе не принадлежу, и у тебя нет права указывать, что мне делать! Я терплю твои преследования только потому, что ты женщина, но, пожалуйста, имей хоть каплю самоуважения! Насколько я помню, китаянки, особенно из Линьчэна, славятся своей скромностью.

Он был выходцем из клана Цзян, получил блестящее воспитание и крайне редко позволял себе грубость в адрес женщин. Для Лянь Ясун это были самые жестокие слова, которые она когда-либо от него слышала.

Она не была неженкой, но ей стало невыносимо обидно, что её искреннюю заботу втоптали в грязь. Особенно если учесть, что сегодня она ради него подралась с мерзавцем и получила ссадины на лице. Он не только отказался слушать, но ещё и наговорил гадостей, выставив её в таком неприглядном свете!

В порыве гнева она, не раздумывая, впилась зубами в его обнаженное предплечье.

У неё были острые клыки, и кусалась она больно. К тому же, с детства привыкнув драться, она успела отточить этот навык до совершенства.

Цзян Ван от неожиданности вскрикнул и разжал руки.

Освободившись, она уже хотела снова броситься в атаку, но тут заметила за спиной Цзян Вана высокого мужчину. Тот с глубоко посаженными глазами и крупным носом что-то яростно выкрикивал на английском. Судя по всему, это был начальник бокса.

Цзян Ван ответил ему тем же холодным тоном, обменявшись парой фраз.

Лянь Ясун уловила суть их спора, и в голове созрел план. Она схватилась за живот, согнулась пополам, другой рукой вцепилась в штанину Цзян Вана и, заливаясь слезами, закричала на чистом лондонском английском:

— Помогите! Мой ребенок! Помогите!

Цзян Ван в ужасе обернулся, схватил её за плечи и приподнял:

— Что ты несешь? Какой ребенок? Что с тобой?

Лянь Ясун изо всех сил давила из себя слезы — к её удивлению, несколько капель действительно скатилось по щекам. Она продолжила вопить, и хотя дождя не было, её крики гремели на всю округу:

— Можешь бросить меня, у-у-у... но как ты можешь быть таким бессердечным и не хотеть нашего ребенка! У-у-у!

Закончив, она на всякий случай перевела свою фразу на английский и зарыдала ещё громче, чтобы все вокруг точно её услышали.

<http://bllate.org/book/22311/2335896>